Лорд Блэк чувствовал, что с помощью своей жены и нескольких друзей в лице Северуса Снейпа, Ремуса Люпина, Нимфадоры Тонкс, не говоря уже о Гарри и Гермионе, удалось внести свой вклад в уменьшение воздействия пожирателей смерти, которые окажут на возвращение Волан-де-Морта. . Все, кто был связан с двумя подростками, знали, что темный лорд вернется, о чем свидетельствует присутствие нескольких крестражей, они не были уверены только в сроках. Казалось, что силы против мира и стабильности начали шевелиться. Если бы ему пришлось прибегнуть к уловкам и даже к убийствам, чтобы обезопасить свою семью, он бы и глазом не моргнул.

Это был один из крестражей, который помог лорду Блэку в его попытках уменьшить число пожирателей смерти. Вооружившись самым первым сосудом души, созданным лордом Волан-де-Мортом, дневником и готовой помощью мастера зелий Снейпа, группа избавилась от более чем двух дюжин пожирателей смерти. Следуя часто употребляемой Дамблдором фразе «второй шанс», Сириус дал низкоуровневым пожирателям смерти возможность преобразовать свое поведение в то, что было приемлемо в приличном обществе. То, что изначально считалось задумчивым мышлением двух подростков, оказалось серьезным толчком для «легкой» стороны, «превратив» почти всех крайних пожирателей смерти в законопослушных граждан.

Да, те, кто поклялся отказаться от прежних беззаконных жизней, добровольно или уговаривая, были мелкой сошкой, когда дело доходило до преступлений, которые они совершали. Тем не менее, они были той цепочкой поставок, которая держала лорда Волан-де-Морта до краев не только деньгами, но и редкими и ценными материалами для его подстрекательства к войне. Это были те, кто торговал ингредиентами для зелий, зачарованными предметами, слитками или даже продуктами питания, причем большинство товаров отправлялось пожирателям смерти в разгар борьбы. После вмешательства Сириуса низкоуровневые пожиратели смерти продолжали торговать теми же вещами, но теперь снабжали ими население в целом.

Благоприятным результатом этого было то, что не было недостатка в предметах первой необходимости, бизнес процветал, и общее чувство благополучия начало распространяться по всему британскому волшебному миру. Лишь очень немногие были недовольны изменением общего настроения, и в основном это были элитные семьи волшебного мира. Их интересовала не только потеря доходов из-за черного рынка некоторых экзотических товаров, но и их вера в превосходство чистокровных; Имея в виду кого-то, кого Гарри и Гермиона не интересовали. Гарри придерживался мнения, и другие разделяли его, что до тех пор, пока чистокровные традиционалисты не доставляют проблем широкой публике и не вмешиваются в их жизнь или жизнь их друга, они были готовы позволить им жить и тушиться своими собственными убеждениями.

Хотя большинство из них довольствовались тем, что сердито смотрели на маглорожденных и магглов, некоторые приняли решительные меры против предполагаемого вторжения недостойных людей в волшебный мир, став последователями террористов, таких как Гриндевальд и Волан-де-Морт. Нынешнее поколение также имело свою долю таких людей, и единственные пожиратели смерти, оставшиеся на время в одиночестве, были из ближайшего окружения, то есть тех, кто наделен наибольшей властью, будь то политическая или экономическая, и практически неприкосновенными с точки зрения закона. Они могли бы использовать дневниковый крестраж, чтобы заманить пятнадцать или около того самых доверенных членов Волдеморта, но привязать их к клятве было бы очень сложно. Такие люди, как Люциус Малфой, никогда не захотят подчиниться воле Сириуса или Амелии, и уж точно не

Гарри. Для таких людей был только один путь - истребление;

Лорд Блэк поклялся сделать все, что в его силах, чтобы держать пожирателей смерти под контролем; он был обязан этим не только своему крестнику, но и его наследнику, который рос в его жене. Если магический мир выиграл от его действий, пусть будет так. К несчастью для него, он не смог найти способ избавиться от ближайших к себе пожирателей смерти, не подвергая опасности свою жизнь и жизнь его семьи или не будучи пойманными.

Теперь, когда Макнейр сделал первый ход, Сириус ухватился за возможность обеими руками. Он не мог предъявить обвинение большинству членов внутреннего круга по уголовным обвинениям, но он мог, по крайней мере, связать Теодора Нотта-старшего за то, что он был соучастником убийства главы Благородного и Древнего дома. Сириус был уверен, что сможет хотя бы разорить Нотта финансово, если им повезет, он сможет арестовать мистера Нотта, а если им очень повезет, Нотт может замешать и других пожирателей смерти. Сириус, однако, чувствовал, что он будет удовлетворен, если им удастся арестовать Нотта и разорить других участников. У него в руках были доказательства, собранные в доме Макнейра. Все, что ему нужно было, - это привлечь к нему внимание.

Как только начался последний сеанс визенгамота перед пасхальным перерывом, Сириус встал: «Мои дорогие лорды и дамы визенгамота…» - его низкий баритонный голос, который он активно пытался культивировать, заставил всех обратить внимание на главу дома Блэков. Хотя участники смотрели на дом Блэка с большим недоверием, союз между четырьмя влиятельными домами, Блэком, Поттером, Кости и Лонгботтомом, заставил большинство из них еще раз взглянуть на Сириуса Блэка. Недоверие постепенно утихало, но Сириус знал, что еще далеко, прежде чем все согласятся, что дом Блэка действительно изменился к лучшему. Если бы только они смогли прославить свое достижение по избавлению британского волшебного мира от большинства пожирателей смерти, Сириус был уверен, что дом Блэк станет новым лучшим другом. К сожалению, этого не произошло, и ему пришлось бы трудным путем добиться этого. Первый шаг должен был быть сегодня и сейчас.

«Дома Блэка и Поттеров стремятся осудить дом Ноттов за их действия против главы дома Поттеров», - потребовал Сириус.

После этого заявления в зале воцарилась абсолютная тишина, как будто участники забыли даже дышать. Это длилось несколько секунд, но потом весь дом взорвался. Он начался с протестов против крайних мер против дома и постепенно перерос в обвинения против заклятых врагов или против тех, кто не был союзником, и, наконец, против фанатизма.

Бросив пресловутую бомбу, Сириус откинулся назад, чтобы наблюдать за столпом. Он не мог бы лучше спланировать, если бы был настроен на какое-то шалость мародерского типа. Однако это не было попыткой вызвать ненужные споры; На Гарри напали, и хотя с этим справились очень хорошо, это все же была попытка последователей лорда Волан-де-Морта. Друзья и семья Гарри знали, что будет еще больше покушений на его жизнь, которые, вероятно, приведут к возрождению превосходства чистой крови. Есть явные признаки возрождения темного лорда, и Сириус поклялся сделать все возможное, чтобы это подорвать. Им нужно было убедительно заявить, что они не бездельники, и если что-то подобное случится, они не просто оттеснят, но и похоронят их.

Протесты против Сириуса и даже Гарри в основном высказывались членами ближайшего окружения пожирателей смерти. Даже обычно стойкие Крэбб и Гойл использовали свой огромный вес, чтобы придать силу своему голосу, оскорбляя более нейтральных членов и твердых сторонников прогресса. Сириус был удивлен, увидев странное молчание Люциуса Малфоя. Да, этот человек всегда старался оберегать свои эмоции на публике, но попытка Сириуса осудить Теодора Нотта и его дом могла очень сильно повлиять и на остальных пожирателей смерти. Возможно, именно это осознание побудило главу Благородного Дома Малфоев задумчиво взглянуть на него.

У стойких чистокровных на самом деле казалось, что они разрываются между негодованием по поводу осуждения такого дома и признанием того, что тот, кто предложил такую меру, был лордом Древнего и Благороднейшего дома и представлял другой такой дом. Они гордились своими традициями, и Сириус Блэк использовал одну из таких традиций, чтобы потребовать справедливости, было ли это оправдано или нет.

Призыв осудить дом был чуть ниже призыва к кровной мести. Если Дом Поттеров и по доверенности Дом Блэк и Дом Кости не добились должного правосудия от Визенгамота, они имеют полное право призвать к вражде против Дома Нотт.

Дамблдор, председательствовавший на собрании, отчаянно пытался навести порядок в доме, все время яростно размышляя о последствиях такого шага Сириуса. Престарелый волшебник был уверен, что Гарри никогда не допустит такой шаг, это должно было быть результатом обиды Сириуса на пожирателей смерти, которых помиловали, пока он находился в заключении в Азкабане. Да, должно быть так, иначе оставался единственный выход - действительно поверить, что Нотт действительно причинил Дому Поттеров и Дому Блэков, особенно Гарри Поттеру, серьезный вред. Такой образ мышления был непростительным для Дамблдора только из-за того, что он, в своем положении главного чернокнижника, был причастен, если не способствовал освобождению тех, у кого была темная метка, без должного суда. Хотя в то время он знал, что пойманные пожиратели смерти действительно виновны в военных преступлениях, такая волна арестов нанесла бы серьезный ущерб обществу. Это была причина, по которой он легко принял заявление о том, что находится под «проклятием imperius», и выступил за то, чтобы дать пожирателям смерти второй шанс. За исключением нескольких инцидентов, на которые он закрыл глаза, Дамблдор хотел бы думать, что его ход был в значительной степени успешным. Теперь казалось, что Сириус намеревался заполучить свой фунт мяса, и куда Сириус пойдет, так и Дом Поттеров, Дом Кости и, возможно, даже Дом Лонгботтомов; Дамблдор не мог этого допустить. и почему он выступал за то, чтобы дать пожирателям смерти второй шанс. За исключением нескольких инцидентов, на которые он закрыл глаза, Дамблдор хотел бы думать, что его ход был в значительной степени успешным. Теперь казалось, что Сириус намеревался заполучить свой фунт мяса, и куда Сириус пойдет, так и Дом Поттеров, Дом Кости и, возможно, даже Дом Лонгботтомов; Дамблдор не мог этого допустить. и почему он выступал за то, чтобы дать пожирателям смерти второй шанс. За исключением нескольких инцидентов, на которые он закрыл глаза, Дамблдор хотел бы думать, что его ход был в значительной степени успешным. Теперь казалось, что Сириус намеревался заполучить свой фунт мяса, и куда Сириус пойдет, так и Дом Поттеров, Дом Кости и, возможно, даже Дом Лонгботтомов; Дамблдор не мог этого допустить.

После того, как в зале был восстановлен порядок, Главный Маг посмотрел на лорда Блэка поверх своих очков-полумесяцев. Интенсивность его взгляда могла встревожить Сириуса Блэка

в его юности, но теперь лорд Блэк пережил очень тяжелую жизнь. Теперь ему было за что бороться, и поэтому Сириус стойко встретил взгляд Дамблдора.

Престарелый волшебник был ошеломлен вызовом Сириуса, не желая показывать свою реакцию, Дамблдор откашлялся, прежде чем спросить: «Вам не кажется, что это немного экстремально, лорд Блэк?»

Сириус приподнял бровь при этом. Он был разнообразен, поскольку понял, что Дамблдор будет против любого шага, который пошел бы против его любимого проекта реформирования пожирателей смерти. Сириус не мог себе этого позволить; он был удивлен, что этот человек не подозревал о возобновлении деятельности пожирателя смерти, что было очевидно, если кто-то хотел взглянуть на это беспристрастно. Вероятно, потребуется что-то грандиозное, чтобы сбросить Дамблдора с места, чего Сириус не хотел допустить. Все, что было бы инициировано пожирателями смерти, поставило бы Гарри и его растущую семью на линию огня, и все они были полны решимости не допустить этого.

«Мой крестник был на пороге смерти несколько дней назад, главный колдун, на него напали в Хогвартсе не меньше. Гарри Поттер важен для магического населения не только как« Мальчик-который-выжил », но и последний из Древних и Самых Благородный Дом Поттера. Это случай не только избавления от того, кто победил темного лорда, но и прекращения существования очень популярной семьи ».

Риторика лорда Блэка была встречена бурными аплодисментами. Не только те, кто, как известно, представлял «светлую» сторону, но и традиционалисты также выразили свою поддержку, стуча по столам перед ними. Для тех, кто придерживался традиций, потеря семейной линии не была хорошей вещью, а потеря такой семьи, как Поттеры, была кощунством. Семья Поттеров была хорошо известна не только своим вкладом в создание волшебного мира, по слухам, со времен Годрика Гриффиндора, но и своей щедростью - чертой, которую новый хозяин дома блестяще продолжил. Они были готовы поддержать Дом Поттеров при условии, что обвинения были правдой.

Признавая тщетность противодействия огромной поддержке, которую Сириус собрал за несколько мгновений, Главный Маг попробовал следующую лучшую тактику: либо отложить, либо сорвать весь процесс. «Одно дело обвинить кого-то, лорда Блэка, и совсем другое дело - доказать это», - бросил он вызов.

Это было самым слабым местом в их аргументах, но если все пойдет своим чередом, это также станет их сильной стороной. Поэтому, скрестив пальцы, Сириус начал монолог, наполненный несколькими фактами и множеством предположений о том, как Нотт-старший и младший несут ответственность за нападение на Гарри.

Амелия могла бы громко рассмеяться со своего места рядом с мужем. Он был бы прекрасным рассказчиком для их детей, но, надеюсь, эта история также даст ей шанс открыть банку с червями, которую они достали из дома Макнейра.

В соответствии с их предсказанием, Дамблдор дал Амелии шанс. Пытаясь скрыть свое раздражение по поводу детских выходок, облегчение от возможности отклонить просьбу с минимальными усилиями и свое веселье по поводу того, как действует Сириус, Главный Маг обратился к лорду Блэку: «Доказательства, которые вы представили этим августом. тело в лучшем случае является косвенным. Поэтому я не могу допустить, чтобы это продолжалось, лорд Блэк. У меня нет другого выхода, кроме как отклонить вашу просьбу об осуждении дома Ноттов… », Дамблдор поднял гравий, чтобы сигнализировать об окончании дискуссии по этому конкретному вопросу. тема.

Но прежде чем он успел его обрушить, Сириус прошипел: «Вот почему я добиваюсь вотума осуждения от этого тела, если бы было достаточно доказательств, я бы объявил кровную месть».

В зале снова поднялся шум, и Дамблдору было очень трудно навести порядок. Воспользовавшись шансом, Амелия поднялась на ноги: «Если можно, главный колдун…»

Дамблдор раздраженно вздохнул, но у него был долг: «В кресле узнается леди Блэк, доверенное лицо Дома Кости».

«Простите меня, главный чернокнижник», - извинилась Амелия с невозмутимым лицом, несмотря на то, что она танцевала в своей голове счастливый танец, - «Я стою перед вами не как представитель Дома Чёрных или Дома Костей, а как глава DMLE. . "

Члены внутри визенгамота услышали несколько резких вдохов и выдохов. Пока Нотт и его друзья с опаской наблюдали, среди других участников было много любопытства. Было очевидно, что между главой DMLE и лордом Блэком был некоторый уровень обмена информацией. Однако никто не мог усомниться в этом; Мало того, что лорд Блэк был членом визенгамота и поэтому мог требовать конфиденциальную информацию, касающуюся его безопасности и безопасности его семьи, из любого отдела министерства, но его жена не могла скрыть никакой информации от главы своего дома, даже если бы попыталась. Это был действительно мастерский удар.

Дамблдор проглотил комок, образовавшийся у него в горле, и произнес нараспев: «Стул узнал главу Департамента магического правопорядка».

«Спасибо, главный колдун», - Амелия коротко поклонилась. Она перемешала несколько бумаг и, сделав несколько копий из короткой стопки пергамента, передала их Дамблдору, министру Фаджу и писцу, который должен был записывать все дела, происходящие на сессиях. «После непредвиденной смерти главы Департамента по регулированию магических существ Уолдена Макнейра мы смогли собрать улики в его доме». Многие участники, которые имели гнусные сделки с умершим волшебником, начали потеть. Они знали, насколько сильно они связаны с ним, особенно в борьбе с незаконными магическими частями животных, и надеялись, что мадам Блэк проявляет к ним милосердие.

Показав на листы, она продолжила: «Как вы можете видеть, эти документы вызывают

подозрение как на Макнейра, так и на Нотта в сговоре с целью причинения вреда Гарри Поттеру. Кроме того, есть подробности финансовых сделок между ними в этот день, которые также указывают на их участие ". Далее она пояснила, что Нотт и Макнейр никогда не сходились во взглядах, и внезапно они заключали сделки, на которые требовались десятки тысяч галлеонов, деньги, которые Нотт был счастлив предоставить Макнейру. Доказательства против мистера Нотта были в лучшем случае неубедительными, но они добавлялись к подозрительным действиям Нотта-младшего, его преследованию обеих дочерей лорда Гринграсса и скорости, с которой новости о травме Гарри Поттера были отправлены его отцу, - все это вместе взятые. что можно объяснить острым интересом к «Мальчику-который-выжил».

На самом деле Дамблдор знал, что доказательств для доказательства вины мистера Нотта было более чем достаточно, учитывая, что Сириус был заключен в тюрьму с еще меньшими затратами или, по крайней мере, требовал суда. Тем не менее, он не хотел удовлетворить желание мадам Блэк провести испытание veritaserum. Дамблдор знал от Северуса Снейпа, что мистер Нотт действительно был заядлым пожирателем смерти, но в то же время мог подстрекать его к любым действиям; он боялся, что движение против кого-либо из членов внутреннего круга, несомненно, их объединит. Нет; Дамблдор был убежден, что лучший способ обеспечить мир на вечность - это избавиться от Волдеморта, а затем позволить пожирателям смерти интегрироваться в общество. Еще одним мотивом было их немалое богатство. Дамблдор не хотел, чтобы эти деньги пошли на финансирование Волан-де-Морта, и не хотел выступать против них из-за страха ускорить движение Пожирателя смерти к воскрешению Волан-де-Морта. Ему пришлось пресечь попытки предъявить обвинение Nr. Нотт: «Каким бы интригующим ни был ваш рассказ, госпожа директор, нет достаточных доказательств для проведения какого-либо расследования против мистера Нотта...»

Министр Фадж подумал, что ему пора заявить о своем превосходстве в качестве главы магического правительства: «Да, да, мадам Блэк. Пожалуйста, воздержитесь от попыток втянуть респектабельных людей в заговоры, к которым они не принадлежат. найденные вами доказательства могли быть подброшены, чтобы опорочить уважаемого сотрудника министерства и его хорошего друга ".

Амелия кипела внутри; во время обсуждений Сириус, Ремус и остальная часть группы чувствовали, что министр не допустит судебного разбирательства, но вид, что Дамблдор также был против, раздражало ее. Она случайно взглянула на мистера Нотта, и самодовольная улыбка на его лице взбесила ее. «Есть достаточно доказательств, чтобы оправдать судебное разбирательство с помощью веритасерума...», - парировала она.

В этом была суть дела, и было слышно немало бормотанных голосов согласия. У них были средства, чтобы установить, виновен ли кто-то в преступлении, но: «К сожалению, мы не можем установить приоритет, мадам Блэк. Использование сыворотки правды для каждой простой вещи - не лучшая идея. Это не только было бы грубым нарушением конфиденциальность, но это также привело бы к мелким ссорам среди населения; то, чего мы не хотим »Дамблдор играл роль вечного миролюбивого волшебника до конца, и это было бы куплено, если бы старый волшебник не выразил свой протест.

«Во что вы играете с Дамблдором...» - крикнул Ксавьер Олливандер, - «... есть мотив и явное намерение причинить вред. DMLE прав, требуя судебного разбирательства». Ксавьер был главой дома и отцом нынешнего «официального» производителя палочек, который отвечал за

поставку палочек всему волшебному населению Британии. Хотя они никогда не были признаны древними или благородными домами, Дом Олливандер занимал почетное место в Визенгамоте из-за своего огромного вклада в общество. Ксавье Олливандер был одноклассником Дамблдора, и ему не нравился не только текущий режим, но и главный маг. Он был против многих ограничительных мер, принятых Министерством, главным из которых был «след».

Дамблдор внутренне съежился от обвинений своего бывшего одноклассника; и он должен был признать, что был прав, по крайней мере, самому себе. Он был благодарен, как никогда раньше, за то, что Дом Олливандеров не имел права голоса, иначе они могли бы переломить ситуацию только благодаря своей популярности и уважению, которые они заслужили как лучшие мастера по изготовлению палочек. «Даже в прошлую войну благородные члены общества не были привлечены к ответственности под veritaserum только из-за подозрения в правонарушениях...» - попытался оправдаться Дамблдор.

«Опять то, на чем ты настаивал...» - крикнул кто-то из глубины комнаты. Бормотание о согласии и контраргументы снова начали набирать обороты, и встреча грозила выйти из-под контроля. Амелия отчаянно пыталась возобновить обсуждение, и хотя она была разочарована, узнав, что у них может не быть шанса допросить мистера Нотта, она, по крайней мере, надеялась, что у нее будет достаточно шансов обсудить этот вопрос, что даст ей шанс. изменить общественное мнение.

Отчаявшись придумать, как снова сосредоточить внимание на теме обсуждения, Амелия была внезапно удивлена лордом Гринграссом. Он многозначительно кивнул, вызвав улыбку на ее лице.

Тем временем Дамблдор был вполне доволен тем, что спор разгорелся; тем лучше, если это даст ему время выступить в защиту своей политики. Однако этого не произошло.

«Главный маг, я не закончила излагать свое дело, прошу вас соблюдать приличия в зале», - выдохнула Амелия.

Удар головы DMLE, увещевавший мудрого и могущественного Альбуса Дамблдора, успокоил языки быстрее, чем что-либо еще. Если участники чувствовали себя не более чем школьниками, столкнувшимися с разгневанным учителем после того, как их поймали за сокращением уроков, они очень хорошо это скрывали.

Амелия откашлялась при виде немного неловкого вида пары сотен пристальных взглядов, прикованных к ней. Она затаила дыхание и открыла: «Многие из вас этого не знают, но именно дочь лорда Гринграсса была вынуждена передать проклятый объект Гарри Поттеру. Вся семья была взята в заложники, а затем ей грозили серьезные последствия, если она это сделает. не выполнить задачу ". Она продолжала подробно рассказывать потрясенной аудитории обо всем, что произошло той ночью, не называя, кому на самом деле был доверен проклятый объект. Если участники догадаются, кто это, то они ничего не смогут сделать, в конце концов, у лорда Гринграсса была только одна дочь, посещающая Хогвартс.

«Это было не только на глазах у нескольких школьников», - продолжала Амелия устранять все возможные лазейки. Она была уверена, что благородное тело никогда не примет во внимание показания школьников, хотя один из них был невестой самого Гарри Поттера. «Мадам Септима Вектор, профессор Аритмантии также присутствовала в то время, и она была тем, кто немедленно предпринял действия, чтобы удержать проклятый объект от причинения вреда кому-либо из других». Не было причин говорить визенгамоту, что кольцо Гарри эффективно нейтрализует проклятие, даже до того, как он смог его коснуться. Было хорошо время от времени пугать стариков.

Крики возмущения снова раздавались по всей комнате, заставляя Амелию замолчать, но для нее это была хорошая новость. «Она также могла подтвердить тот факт, что мистер Нотт-младший был замечен на месте, отреагировав с радостью при виде раненого Гарри Поттера и немедленно устремившийся, чтобы сообщить своему отцу».

«Нет, нет, это не может быть правдой», - буркнул Фадж.

У Амелии был идеальный счетчик: «Лорд Гринграсс готов дать показания, и я дам возможность дать показания мистеру Нотту».

При этом Фадж побледнел. Хотя он «знал», что мистер Нотт не может сделать ничего плохого, он не собирался рисковать судом под присягой или veritaserum; все могло выйти наружу, что было бы вредно для его продолжения в офисе. Он внезапно просиял, было прекрасное оправдание: «Даже если бы это было правдой, мистер Нотт мог быть вынужден сделать это из-за проклятия imperius...»

Люциус Малфой, сидевший немного позади министра, сдержался, чтобы не удариться головой о стол перед ним. Оправдание «проклятия империуса» было похоже на открытие банки с червями, и он был уверен, что глава DMLE воспользуется этим фактом и фактически использует его как предлог, чтобы потребовать суда над всеми теми, кто ссылался на то же самое оправдание после последняя война. Мистер Малфой серьезно задумался, стоит ли ему продолжать подкупать министра. Он был бы рад узнать, что мысли Альбуса Дамблдора не сильно отличались от его, за исключением того, что в случае с главным чернокнижником взятки были больше в форме совета и тонких манипуляций, чтобы добиться желаемого, а не в деньгах. .

Амелия одарила публику сардонической улыбкой: «Очень удобно, не правда ли, империусное проклятие...» - риторически спросила она. «... И это была причина, по которой я запрашиваю испытание veritaserum», - потребовала она огнем.

Фадж снова попытался пробормотать и отрицать требование подвергнуть «респектабельному» члену общества такому пристальному вниманию. Однако он был вынужден успокоиться, когда несколько участников подняли свой голос против него, приведя пример Сириуса и того, как настоящий виновник, Питер Петтигрю, мог быть схвачен, если бы был суд. Все это время Сириус с улыбкой наблюдал за происходящим; он зажег огонь, и теперь он обнаружил, что нет необходимости раздувать огонь, все было хорошо в его книгах.

Между тем лорд Гринграсс каждую секунду злился. Наконец его терпение закончилось, и он резко спросил: «Вы готовы принять слово главы Благородного Дома без каких-либо доказательств, но вы не желаете даже позволить мне, главе Древнего и Благородного дома, давать показания в соответствии с веритасерумом?» - спросил он с злобой в голосе.

Сразу же прогремели крики «… слушай… слушай…», перемежаясь негодованием по поводу несправедливости и особенно громким криком с требованием: «Что тебе нужно скрывать, министр?»

Фадж изо всех сил старался отрицать, что ему есть что скрывать или что он настроен против лорда Гринграсса. Он только выполнял свой долг в качестве министра магии, чтобы обеспечить справедливость для всех. Большинство из тех, кто не поддерживал пожирателей смерти, громко упрекали министра. В течение всего этого шума более нейтральные фракции постепенно меняли свое мнение о своем давнем нейтралитете. Если кому-то вроде лорда Гринграсса, известного своим непоколебимым нейтралитетом, своим происхождением и богатством, может угрожать опасность, то, вероятно, нет смысла оставаться нейтральным. Может, им было бы безопаснее, если бы они поддержали «светлую» сторону; в конце концов, если бы лорд Поттер «Мальчик-который-выжил» со своей невестой-магглорожденной принимал активное участие, то в таком союзе не могло быть ничего плохого.

Лорд Гринграсс был возмущен явным фаворитизмом, проявленным министром; он не был основан на каких-либо принципах или чувстве дружбы, он был основан исключительно на деньгах, набитых его карманами. Он призвал к себе внимание, выстрелив громким взломщиком и подняв палочку нараспев: «Я, лорд Ричард Гринграсс, глава Древнего и благородного дома Гринграсс, выступаю за вотум недоверия министру Корнелиусу Фаджу».

Шокирующая тишина, сопровождавшая заявление, была нарушена двумя голосами, одновременно поддержавшими это предложение.

Дамблдор тяжело вздохнул, теперь это уже не в его руках. Печально покачав головой, он выполнил предписанную процедуру. «Пожалуйста, будьте признаны», - он призвал тех, кто поддержал его ходатайство.

Первой встала грозная на вид леди Августа, «я леди Августа Лонгботтом, регент древнего и благороднейшего дома Лонгботтомов».

Следом за ней шла никто иной, как Амелия, «Я леди Амелия Блэк, урожденная Кости, доверенное лицо Костей Древнего и Благороднейшего Дома».

Дамблдор стукнул по гравию, сигнализируя о принятии движения. «Принято» он произнес нараспев, к ужасу министра Фаджа. Главный Маг снова стукнул по гравию: «Дом соберется после получасового перерыва, чтобы перекусить. Движение будет обсуждаться в первую очередь после повторного созыва».

Незначительный перерыв

Когда Сириус ходил по вестибюле, принимая поздравления с благополучным выздоровлением Гарри Поттера, соболезнования перенесенной боли и просьбы о частной аудиенции для обсуждения деликатных вопросов, он не мог не почувствовать, что в жизни грядут перемены. волшебный мир. Он был немного удивлен, что большинство до сих пор нейтральных членов были готовы искать союза с его домом и Домом Поттеров. В конце концов они осознали, что им ничего не нужно давать, и что они должны бороться за даже мир, и, к счастью, это была выиграна половина битвы; он был счастлив услужить не только ему, но и крестнику. Да, Сириус Блэк был счастлив.

В то время как Сириус был счастлив торговать добрым именем фракции, которая была готова сделать что-то упреждающее против пожирателей смерти, Амелия и Августа начали обсуждать последствия вотума недоверия между собой. Они сразу же открыто поддержали это предложение, поскольку знали, что министр Фадж должен уйти, но они также знали, что предложение не будет принято, по крайней мере, с необходимым большинством голосов.

«Я знаю, что предложение было принято для обсуждения, но очень вероятно, что оно не будет успешным…», - выразила свою точку зрения мадам Лонгботтом, привлекая внимание нескольких оставшихся членов.

Амелия решила не скупиться на слова: «Да, Малфой позаботится о том, чтобы сторонники министра остались довольны золотом». Это привлекло внимание нескольких скептически настроенных членов или тех, кто был склонен полагать, что министр коррумпирован и должен услышать голос разума. Если глава DMLE был готов обвинить уважаемого представителя волшебного мира и министра, не менее публично, должно быть доля правды.

Совершив очень нехарактерный для нее жест, мадам Лонгботтом пожала плечами: «С таким же успехом, - возразила она, - даже если мы не сможем добиться желаемого результата, мы всегда можем надеяться, что это нападение истощит его казну».

Старшие участники, знавшие стоическую ведьму, были удивлены и немало шокированы этим комментарием. Они знали, что она и ее внук сильно пострадали от рук пожирателей смерти, и теперь, когда она включила в эту толпу патриарха Малфоев, заставила их задуматься. Большинство старых домов оставались нейтральными во время различных конфликтов, раздирающих волшебный мир. Их философия «живи и дай жить другим», казалось, работала достаточно хорошо, и, кроме того, у них было достаточно денег, чтобы купить нейтралитет в случае необходимости. Теперь, когда новый свет пролился на действия не только тех, кто умолял «проклятие империуса» скрыться от справедливого суда, но и на склонность министра брать взятки от одних и тех же людей, они начали понимать, что они в конце концов, наверняка будут пожирателями смерти. Почему им следует опасаться суда над сывороткой правды? Да, была большая вероятность утечки домашних секретов, но если вопросы были тщательно сформулированы и задавались присяжными, то это был отличный способ определить их вину или невиновность раз и навсегда. Их нерешительность стала тревожным сигналом для членов нейтральной фракции, и они были намного ближе к союзнику с «Мальчиком-Который-Выжил», который делал все возможное, чтобы принести изменения и, самое главное, равенство населения.

Не подозревая о великих переменах, которые происходили прямо среди них, Амелия была

готова бросить язвительный комментарий, но не смогла сделать это, когда к ним присоединился лорд Ричард Гринграсс.

«Мадам Лонгботтом, мадам Блэк, - он коротко поклонился двум женщинам, - я очень благодарен вам за поддержку моего предложения».

Августа отмахнулась от его благодарности: «Конечно, мы бы согласились, лорд Гринграсс. Это было давно пора…», она смущенно шлепнулась, чтобы слишком рано подавить его надежды.

У главы DMLE не было таких угрызений совести: «К сожалению, сейчас не лучшее время, как бы мне ни противно Фадж».

Глаза лорда Гринграсса сузились от раздражения, гнева или замешательства - никто из наблюдавших за происходящим не мог сказать. Прежде чем он успел сказать что-нибудь, о чем он мог сожалеть, мадам Лонгботтом почувствовала в нем беспокойство и успокоила его мягким словом: «Даже если бы мы выиграли ходатайство, в чем я сомневаюсь, учитывая щедрость золота Малфоя, мы не можем позволить себе негативную огласку. . В настоящее время мы будем находиться под пристальным вниманием всего мира в течение следующих нескольких месяцев ».

Ричард Гринграсс сразу понял: «С приближением чемпионата мира по квиддичу…» - он задумался.

Обе дамы согласно кивнули головами, в то время как Амелия пояснила: «До чемпионата мира около 4 месяцев, и новому министру потребуется почти столько же времени, чтобы взять на себя ответственность. нам нехорошо, если не будет министра магии, чтобы начать разбирательство ».

Лорд Гринграсс признал правду об этом со вздохом смирения: «Значит, мы просто должны смириться со своей судьбой…»

«Если бы только у меня были доказательства, чтобы связать мистера Нотта с нападением на Гарри…» Амелия разочарованно зарычала.

Лорд Гринграсс пристально посмотрел на голову DMLE и, взяв за руки обеих дам, начал уводить их от любопытных глаз и пытливых ушей товарищей по визангемоту. К ним быстро присоединился в красивом уголке Сириус, который приветливо поприветствовал Ричарда и оказал поддержку как Дому Блэков, так и Дому Поттеров.

«Но… - продолжил он, -… наверное, не в лучшее время…» его позабавило, когда лорд Гринграсс закончил слова вместе с ним. Они довольно усмехнулись, прежде чем стать серьезными.

Ричард передал Амелии сморщенный пакет: «В нем есть свидетельство связи, которую вы искали…» Глаза Амелии расширились при этом. В то время как Сириус выглядел немного смущенным, Августа широко улыбнулась и поблагодарила главу Дома Гринграсс.

Ричард пояснил для Сириуса: «Один из моих вассалов был тем, кто создал проклятый предмет, который был доставлен молодому лорду Поттеру». Челюсти Сириуса сжались, когда он услышал эту новость, но тут же успокоился, когда понял, что лорд Гринграсс им только помогает.

«Он не знал, для кого это предназначалось, иначе он бы никогда не занялся созданием», - объяснил Ричард, пораженный тем фактом, что Сириус был зол, и это было справедливо. К счастью, он также увидел, что другие тоже все поняли, и продолжил: «В нем есть не только подробности использованного проклятия, но и квитанция об оплате, которую он получил от мистера Нотта». Он вздохнул, прежде чем вытащить пузырек из кармана: «Я надеялся не использовать это, но он разрешил мне сделать это, если потребуется».

У Амелии кружилась голова, когда она была школьницей: «Это…?»

Ей не нужно было вдаваться в подробности, поскольку сам Ричард предоставил ответ: «Его воспоминания об этом событии…» и передал его главе DMLE.

Он осторожно посмотрел на пузырек и умолял как лорда, так и леди Блэк: «Я боюсь за его жизнь, если это выйдет наружу».

Сириус положил руку на плечо лорду Гринграссу: «Не беспокойтесь, сэр. Я лично заверяю его в безопасности; если дойдет до этого, он может быть взят под стражу, как и вы».

Ричард Гринграсс широко улыбнулся. Его друг определенно мог провести несколько месяцев вдали от британского волшебного мира на отдаленном острове, любезно предоставленное лордом Блэком. У него было бы все время в мире, чтобы экспериментировать с зачаровыванием большего количества предметов и жить без страха, пока не разразится буря. Да, ему это определенно понравится. Лорд Гринграсс любезно принял предложение Сириуса.

Амелии, однако, не нужно было раскрывать компрометирующие улики. Как только заседание возобновилось, министр Фадж встал и разрешил DMLE допросить г-на Нотта под влиянием веритасерума: «… я уверен в его невиновности, и это положит конец спекуляциям раз и навсегда», - заявил министр. . Во время перерыва его лучший друг Люциус Малфой указал на некоторые факты; особенно тот, где он столкнется с унижением, если визенгамот проголосует за вотум недоверия. Мистер Малфой также любезно указал на то, что даже если мистер Нотт действительно виновен, министр всегда может заслужить похвалу за то, что проделал смелый поступок.

Люциус Малфой, с другой стороны, знал, что Теодор Нотт-старший действительно виновен; однако он не мог допустить судебного разбирательства по делу Veritaserum. Он знал, что немало неоспоримых истин увидит свет, если это будет выполнено. Было бы намного лучше и

экономнее, если бы мистера Нотта принесли в жертву его господину, лорду Волан-де-Морту.

Теодор Нотт-старший не мог поверить в происходящее; он увидел мрачные лица министра и Люциуса Малфоя и сразу понял, что светловолосый аристократ готов его бросить. Он знал, что Малфой - очень скользкая змея, и он вполне мог делать все это, чтобы помочь своему хозяину, когда тот вернется к жизни. Но это не означало, что он был готов принять падение; нет, он убьет с собой врага своего хозяина. Палочка Нотта мелькнула в его руке и, направив ее на голову DMLE, он был готов наложить смертельное проклятие.

Так же быстро, как он себе представлял, сама Амелия, ее муж Сириус Блэк и даже главный маг Дамблдор были быстрее. Три струи парализатора попали в волшебника, который был сброшен со своего места из-за силы заклинаний и рухнул на стол позади него. К счастью, вся мебель в комнате была покрыта амортизирующими чарами, чтобы не только сохранить их, но и помочь старым костям не сломаться после случайного удара, но и не позволить использовать их в качестве оружия.

К счастью, Амелия предусмотрительно разместила авроров на небольшом расстоянии от камеры визенгамота, и через несколько мгновений после суматохи в комнату ворвался старший аврор Шеклболт со своей командой из четырех младших авроров. Его немедленно встретили мрачное лицо DMLE и побледневшее лицо министра Фаджа. Старший аврор мог бы громко рассмеяться над накрахмаленной белизной министра, но у него был долг.

Шеклболт твердо верил в равенство всех и в то, что для того, чтобы воцарился мир, необходимо должным образом бороться с неуправляемыми элементами. Помня об этом, он присоединился к Ордену фениксов Дамблдора во время последней войны. После поражения лорда Волан-де-Морта и роспуска ордена он был удовлетворен выполнением своего долга. Однако то, как большинство пожирателей смерти отделалось простым ударом по запястью, и то, как игнорировались признаки возросшего насилия со стороны одних и тех же представителей волшебного мира, усилили зародыш недоверия. В его голове было заложено то, как Сириус Блэк был заключен в тюрьму и как Дамблдор решил проигнорировать вопиющую судебную ошибку.

Теперь надежда снова начала укореняться в его сердце. Он наблюдал тонкое маневрирование, которое имело место против действий Дамблдора, и то, как почти вся «легкая» сторона собиралась под знаменем лорда Гарри Поттера, «Мальчика-Который-Выжил». Резкое сокращение незаконной деятельности «маргинальных» пожирателей смерти и внезапное изменение их отношения и строгого соблюдения законов страны также было очевидным, и Шеклболт был уверен, что это можно приписать тем же людям, что и лорд Поттер; как могло не быть, если его босс твердо стоял за молодым лордом? Если его босс уйдет из должности главы DMLE, либо из-за ее беременности, либо из-за того, что он станет следующим министром магии, департамент снова может уйти в пресловутую канализацию. Он не мог видеть, что происходит, и поэтому поклялся:

Пока Шеклболт лечил мистера Нотта в полевых условиях, мистер Олливандер нашел еще один способ выплеснуть свою селезенку против главного чернокнижника, «… и это была причина, по которой я попросил запретить использование жезлов в этой комнате. причины? Нееет… - язвительно усмехнулся он. «… Великий и могущественный Альбус Дамблдор никогда не мог

ошибаться…»

Его сосед мог задаться вопросом о голосовании, потому что он ответил: «… может быть много способов, с помощью которых может быть проведено голосование…»

Хотя у него не было своего мнения о том, как это можно сделать, один из участников, стоящий за ним, предложил: «… мы все могли бы использовать наши главные кольца дома…»

Дальнейшие комментарии по этой теме были замалчены, когда г-на Нотта оживили, а затем прикованы цепью к стулу для допросов в центре камеры. Амелия была рада оставить допрос Шеклболту под влиянием веритасерума, который быстро установил виновность мистера Нотта не только в нападении лорда Поттера, но и в угрозе семье Гринграсс, особенно дочерям этого дома.

Амелия хотела использовать возможность получить больше информации, возможно, даже что-то, что помогло бы им устранить Фаджа, но прежде чем она смогла даже попытаться задать какие-либо вопросы, Главный Маг эффективно ударил по гравию и волшебным образом положил конец допросу. "Судебный секретарь, пожалуйста, запишите, что мистер Нотт был признан виновным по всем пунктам обвинения в ходе допроса veritaserum. Теперь может начаться голосование по вопросу о наказании за его преступления; все за 5 лет в Азкабане, пожалуйста, зажгите свои палочки зеленым, а те, кто против, - красным … »Дамблдор поднял свою зажженную зеленую палочку.

Амелия, Сириус и Августа были встревожены и сразу же начали думать о способах противодействия голосованию и ужесточения приговора. Оглядев комнату, они обрадовались, увидев, что лишь несколько человек зажгли их зеленым светом. Некоторые из пожирателей смерти, и особенно Малофи, были рады воспользоваться случаем и вынести очень мягкий приговор против одного из них. Однако выступавших против приговора по-прежнему было меньше. Ни одна из сторон не получила большинства, что создавало неразбериху среди казначейских скамей.

Означает ли это, что приговор слишком суров, или г-н Нотт не виновен? Никто из них не мог решить, и даже Дамблдор был слишком удивлен, чтобы говорить. К сожалению, у членов не было возможности высказать свое мнение, и молчание продолжалось, пока судебные чиновники пытались выйти из тупика.

Чувствуя, или, скорее, надеясь, что участники хотят более сурового наказания за попытку убить главу Древнего и Благороднейшего дома, не говоря уже о том, кто победил темного лорда Волан-де-Морта, Амелия встала и обратилась к Дамблдору: «Главный Маг, могу я предложить пожизненное заключение? "

Глава DMLE мог видеть удивление на его лице, а также заметил, что некоторые из участников немедленно зажгли свои палочки в противовес ее предложению. Однако она не могла удержать самодовольную улыбку на своем лице, когда увидела подавляющее большинство, поддерживавших ее. Это было не единодушное мнение, но определенно большинство, и

наказание было понесено. Никто не упомянул, что голосование на самом деле не было объявлено Верховным Магом и по закону не должно быть разрешено. Но магия камеры учитывала явные намерения большинства и санкционировала наказание к большому облегчению не только для тех, кто считал себя частью семьи Гарри, но и для тех, кто хотел присоединиться к нему.

Сцена перерыв

Время летело быстро, и поездка на поезде к Гарри и Гермионе в конце года была, как обычно, временем самоанализа. Гермиона уселась к нему на колени - действие, которое было отражено Падмой, Луной и Джинни, к большому веселью и некоторой насмешке над завистью со стороны других девушек, у которых не было такого роскошного места. Сидя со всеми своими друзьями в очень тесном купе Хогвартс-экспресса, Гарри задумался о прошедшем учебном году.

Как ни странно, это был для них очень нормальный год, без каких-либо загадок или опасностей, с которыми им пришлось столкнуться, в отличие от первых двух лет их пребывания в Хогвартсе. Если вы можете сказать, что обучение студентов старше себя и решение проблемы, которую, казалось бы, было невозможно решить, при разработке нового метода улучшения зелий, то да, Гарри и Гермиона могли бы сказать, что у них был довольно нормальный год в качестве студентов.

Новый опыт проведения учебной сессии в начале года был заменен столь необходимым опытом преподавания в классе. Переход к введению новых и нетрадиционных классов в Хогвартсе имел огромный успех. Обучение давно забытой магии друидов, коренных американцев и многих древних племен, разбросанных по всему миру, в рамках их класса мировой магии дало им не только шанс понять нюансы работы учителем, но и огромное удовлетворение. об их участии в улучшении отношений с другими магами по всему миру. Изначально начатый благодаря интересу, проявленному их друзьями, он превратился в полноценный класс, правда, без оценок. Огромный отклик на неофициальные уроки побудил пару задуматься о введении многих других занятий по искусству, музыке и т. Д.

Пара знала, что Дамблдор будет яростно возражать против этого плана; директор считал себя повелителем Хогвартса, а Гарри и Гермиона довольствовались тем, что позволяли ему думать, что, по крайней мере, на данный момент, у них есть более серьезная угроза со стороны Волан-де-Морта, о которой нужно позаботиться в первую очередь.

Они знали, что Дамблдор недоволен ими, особенно Гарри. К счастью, любое движение, которое директор мог предпринять против Гарри, было эффективно отражено тремя его стойкими сторонниками среди преподавателей. Трое профессоров, МакГонагалл, Флитвик и Снейп, были хорошо известными сторонниками Дамблдора, но, будучи полностью разочарованы политикой старого волшебника, они обратились к молодому человеку, который сделал больше для его улучшения за те два года, которые он провел в магической жизни. мир, чем Дамблдор за десять лет после войны.

Нападение на одного из них привело в ярость трех профессоров, особенно потому, что те, кто якобы организовал атаку и способствовал ее проведению, были проверены директором школы.

Именно он легко принял надуманное оправдание нахождения под «проклятием imperius» и был готов дать пожирателям смерти второй шанс. Престарелый волшебник даже не учел совета Снейпа, который сам был Пожирателем смерти, прежде чем начать новую жизнь; игнорируя его совет относительно хотя бы некоторой формы наказания, пожирателей смерти даже не ударили по запястью. Это решение могло серьезно навредить Гарри Поттеру. Они знали, что Гарри никогда не подвергался опасности, и принимали адекватные меры предосторожности, и за ним был даже замок, но они содрогались, думая о последствиях для кого-то, кто не был защищен таким образом.

Для Гарри то, что семья была готова взять на себя его проблемы, имело для него все значение. Конечно, с ним всегда была Гермиона, но «взрослый», казалось бы, охранял его спину, было другим, но приятным чувством. Он, вероятно, прожил бы свою жизнь так же, как и любая другая знаменитость, наслаждаясь льготами и, вероятно, делая свою жизнь немного проще, но присутствие Гермионы и других с ним дало ему стимул внести свой вклад в улучшение волшебного мира. жить, начиная с устранения угрозы Лорда Волан-де-Морта и его пожирателей смерти.

Гарри может считать себя частью группы, но для членов этой группы он был лидером, движущей силой, делавшей все проблемы, с которыми они сталкивались или могли столкнуться, стоящими. Дамблдор мог ворчать по поводу популярности Гарри; такие люди, как Малфой-старший и младший, могли бы насмехаться над тем, что это была не более чем попытка завоевать большую популярность, но те, кто знал Гарри и Гермиону лучше всех, знали, что в самой природе этих двоих было заботиться о своей семье и друзьях.

Пара могла счесть свою попытку найти лекарство от оборотней неудачей. Однако для многочисленных волшебников и ведьм, которые страдают от этой проблемы или сталкиваются с угрозой со стороны бродячего оборотня, «Гармонианская» модификация волчьего яда была отличным подарком. Вдобавок поддержка со стороны «Фонда Лили Поттер» означала, что большинство оборотней в Британии твердо стояли за «Мальчика-который-выжил». Лидеры волшебного мира могут этого не признать, но главной причиной беспорядков с участием оборотней было отсутствие какой-либо значимой работы и, в меньшей степени, боль трансформации и связанная с этим остракизация. Пара подростков фактически положила конец этому, и, за исключением нескольких стойких сторонников Лорда Волан-де-Морта, таких как Грейбэк, большинство смогли воспользоваться шансом на нормальную жизнь.

В их исследовательской работе по модификации был представлен новый способ улучшения зелий, и зельевары во всем мире были очарованы идеей смешивания и сочетания компонентов существующих зелий или даже нескольких немагических ингредиентов, чтобы разработать новые лекарства от болезней, которые не было ответа в волшебном мире. Они, конечно же, приписали разработку Гарри Поттеру и Гермионе Грейнджер, и молодая пара смутилась. Подчиняясь огромному давлению, они теперь готовили первое издание всестороннего обзора свойств различных компонентов, обычно содержащихся в зелиях, и тех, которые они пробовали. У него также были простые приемы, позволяющие делать лучшие зелья, не испортив их, любезно предоставленные мастером зелий Снейпом.

Помимо ученых, они также смогли избавиться от большей части финансирования пожирателей смерти и найти новых друзей и несколько влиятельных союзников. Дафна Гринграсс и Трейси Дэвис стали верными друзьями, и группа из десяти близких друзей расширилась до дюжины.

Гарри и Гермиона с нетерпением ждали встречи с сестрой Дафны, Асторией, в группе. Хотя ее не планировали избрать в рамках инициативы Гарри и Гермионы наставником двух будущих первокурсников, одного из маггловского мира и одного из волшебного мира, как они это сделали для Колина и Луны; В конце концов, Астория была сестрой одного из членов их группы, и поэтому ей, естественно, был предоставлен привилегированный статус. Они надеялись, что новые первокурсники, которые будут выбраны по стипендиальной схеме, будут такими же приветливыми, как и те, которые были выбраны в предыдущие два года.

В целом Гарри и Гермиона были рады, что у них был год, который был сравнительно свободен от опасностей для самой их жизни. Но у них также было мучительное чувство, что их жизнь не продлится так долго; все признаки указывали на возросшую угрозу для Гарри.

Взволнованный своими размышлениями, Гарри оглядел купе: в них было мало места, но каждый из двенадцати друзей был счастлив разделить это место. Он был удивлен тишиной и понял, что именно отсутствие активности в купе отвлекло его от внутреннего монолога. Гарри поймал непоколебимый взгляд самого маленького члена их группы; Луна смотрела на него немигающими глазами.

Луна всегда ненавидела тот факт, что всякий раз, когда она видела, это никогда не было счастливым событием. Было душераздирающе видеть будущее в такой суматохе; но теперь у нее были друзья. Друзья, которые изо всех сил старались изменить это болезненное будущее, и поэтому ей пришлось напрячься. «Обещай мне что-нибудь, мой дорогой брат», - умоляла она, широко распахнув глаза, и слезы угрожали пролиться.

Гарри был поражен эмоциями, проявленными молодой блондинкой. Он тяжело сглотнул, его собственные эмоции угрожали выйти из строя; он никогда не слышал, чтобы кто-то называл его братом, и выход из Луны казался каким-то уместным, даже заполняя непризнанную пустоту в его сердце.

«Пожалуйста, Гарри», - напомнила она ему. Гарри ничего не мог поделать, кроме как кивнуть головой в знак согласия.

Воспринимая это как сигнал, Луна умоляла: «Что бы ты ни делал, пожалуйста, сделай это и положи конец войне, Гарри». Все в купе были ошеломлены; никто из них не знал о крестражах, и поэтому не знал, что лорд Волан-де-Морт определенно жив. Они знали о способности Луны заглядывать в будущие возможности и поэтому были потрясены, узнав, что не только темный лорд жив, но и его угроза была очень близка.

Гарри обменялся обеспокоенным взглядом с Гермионой; конечно, они знали, что лорд Волан-де-Морт не мертв, и что они, особенно Гарри, должны были снова встретиться с ним, но они всегда думали, что у них достаточно времени, чтобы наслаждаться своей жизнью. Услышав, что у них нет роскоши времени, пара серьезно подумала о том, чтобы переместить свою временную шкалу вверх. Они были подготовлены настолько, насколько могли; знание о пророчестве, которое связывало Гарри с темным лордом, дало им преимущество, и Гарри с Гермионой рядом с ним упорно трудились, чтобы подготовиться. Они были удивлены, обнаружив, что профессор Трелони дала это пророчество, но наличие головы DMLE на их

стороне дало Гарри возможность получить, послушать и уничтожить сферу.

Страшное осознание того, что его судьба необъяснимо связана с худшим волшебником всех времен, заставило Гарри и Гермиону усилить свои тренировки. Они никогда не могли быть уверены, что готовы, но они сделают все возможное, чтобы быть готовыми. Физическая подготовка, дуэли, борьба против превосходящих сил и медитация анимага были втиснуты в их ежедневный распорядок, несмотря на тяжелую работу, которую они выполняли. Они воздержались от уничтожения крестражей, надеясь найти способ использовать их для идентификации и определения местонахождения любого другого крестража, который они могли пропустить, но теперь, возможно, пришло время уничтожить все, что у них было, а также усилить свои усилия по обнаружению остальных из них. .

К этому времени Луна бесконтрольно рыдала, и Колин не мог облегчить ее боль. Гермиона соскользнула с колен Гарри и обняла маленькую девочку. Гарри посадил Луну к себе на колени, и с Гарри и Гермионой, поддерживающими ее, Луна частично восстановила свое равновесие. «Я сделаю все, что в моих силах, Луна», - попытался утешить ее Гарри.

Луна покачала головой из-за объятий: «Нет, Гарри… этого недостаточно. Вы не должны давать ему время, чтобы собрать своих последователей. Ему суждено воскреснуть в следующем году, и вы должны уничтожить его раз и навсегда. как только это событие произойдет. Если не погибнет бесчисленное количество людей, включая вашу семью… »она снова сломалась.

Гарри был ошеломлен этим откровением, но постепенно его сменил гнев. Никто не причинит вреда его семье или его друзьям; и в успокаивающих объятиях Гермионы его гнев превратился в яростную решимость. Он бы свернул горы, чтобы обезопасить своих друзей, и если бы ему пришлось довести себя до предела, он бы так и поступил. «Я обещаю тебе, дорогая сестра. Я не позволю ему сеять хаос в нашем мире. Мы победим его», - поклялся Гарри.

Конец третьего года..

http://tl.rulate.ru/book/74732/2099917